Остаться собой

Наталья Егорова

SHOUT
SHARE
IT

- Наталья Егорова
  -
  - * * *
  - * * *
  - * * *

Наталья Егорова

Остаться собой

– Филди? Это Холо. Нас нашли.

Скатываюсь по ступенькам, на ходу сворачиваю панель. Я оставил им кучу аппаратуры и Норга, глотнувшего "псих-коктейля".

– Я все получил.

Успокоил, спасибо. Впрочем, действительно успокоил - ко всему не хватало еще обломить работу.

– Что с Норгом?

– У них.

Ковыряюсь с замком, отмычка флегматично помигивает красным. Сколько у меня секунд до того, как Норг расколется?

– Ты где?

Молчу. Вопрос риторический: мой идентификатор выведен на карту у Филди, он просто пытается сообразить, что со мной делать.

Писк отмычки звучит небесной музыкой. Одновременно прорезается Филди:

– Давай на минус первый. Сектор Б15, блок 89/С, тебя встретят.

Вывешиваю перед глазами схему. Сектор Б15 - не ближний свет, четыре квартала. Секунды на мобиле, но брать такси - самоубийство. Бегу.

На углу истерический вой сирены пригвождает меня к месту. Спасибо копам - не забывают предупредить о своем появлении. Меня уже ведут?

Взламываю ближайший подъезд: грубо, на ультразвуке, пусть обшаривают потом - плевать! Вверх несусь по лестнице, лифты легко заблокировать. Этажу к десятому дыхание сбивается окончательно, глаза заливает пот, смазывая очертания схемы, хотя та проецируется прямо на сетчатку.

Люк на крышу заперт на простой цифровой замок. Выбираюсь под низкий потолок уровня.

Интересно, каково жить на последнем этаже с окнами на бетонное перекрытие? Не удержавшись, свешиваюсь через бортик: на двух верхних этажах окон вообще нет. Буду иметь в виду, если приспичит сменить жилье.

Обругав себя за легкомыслие, тороплюсь дальше. Третий

подъезд, лестница, подвал. Два люка на выбор - в канализацию и энергопровод. Терпеть не могу ходить по узким лазам возле силовых кабелей, но вонючие каналы еще хуже. Спускаюсь.

Покрытые пластиком змеюки проводов тянутся по всей стене. Места остается - только боком пройти. Двигаюсь по схеме: два квартала, поворот налево, лесенка к люку в подъезд. Выхожу и... натыкаюсь на копа.

Должно быть, у меня растерянный вид. Копу лет не больше, чем мне - совсем сосунок, но и он при виде моего замешательства тянет из пояса сканер. Выдрессировали гаденыша. Стоит ему поймать код, и сюда примчится десяток мобилей.

Я двигаюсь будто помимо воли. Кажется, что могу я противопоставить шокеру и пистолету? Но рука сама выхватывает из кармана щуп: его толстая игла с ладонь длиной и запросто протыкает обмотку информационного волокна. Что уж говорить о податливой шее.

Прихожу в себя в узком тоннеле. Судорожно прижимаюсь лбом к гудящему коробу силового кабеля и тупо вытираю щуп о ладонь. На коже липкая коричневая пленка. Меня тошнит.

– Филди, - я сам не слышу своего голоса. - Посмотри, в Б15 на минус первом. Полицейский... жив?

Не прощу себе, если убил мальчишку. Филди разражается руганью. Мне становится чуть легче.

– Да, - наконец бросает он. - Но если ты не поторопишься...

То я никогда не доберусь до 89/С, заканчиваю я сам, пробираясь хитросплетениями проходов. Квартал можно обойти и по крышам, благо горизонтальные балки яруса тянутся всего в двух метрах над их поверхностью.

Я болтаюсь на немыслимой высоте над пропастью улицы, когда мимо свистит почтовый флайпик. От неожиданности едва не разжимаю пальцы. Зубы стиснуты так, что больно даже глазам.

Когда я, наконец, оказываюсь перед нужной дверью, то измучен настолько, что мне уже безразлична и собственная свобода. Кажется, открой мне коп, я и не дернусь.

Но открывает женщина. Высокая, с коротко стриженной копной рыжих волос. Внимательно разглядывает меня.

– Холо, - представляюсь.

Она молча сторонится, впуская меня в модуль. Неспешно закрывает дверь. Во мне еще бурлит адреналин: мышцы напряжены не хуже нервов, больно дышать.

– Заходи, хакер Холо. Не стесняйся, - усмехается она.

Голос у нее низкий, уютный. Темные умные глаза, губы полные и сочные. Вхожу.

Через всю комнату - стеллаж с дисками. Инфотека?

– Раздевайся.

Недоуменно оборачиваюсь. Она протягивает мне стакан с мутной взвесью. Крупно вылепленное яркое лицо, хорошая фигура без всякой скидки на рост. Красивая женщина.

– Раздевайся. Мне нужен твой идентификатор.

С усилием глотаю. В стакане какой-то транквилизатор: мгновенный холод проносится по телу, унося боль, усталость, напряжение.

Снимаю куртку, бережно уложив на стол панель. Стягиваю рубашку. Женщина подходит совсем близко, прохладные пальцы пробегают по моей руке, ощупывают кожу вокруг блестящей головки идентификатора. Она сгибает мою руку, разгибает ее снова.

– Годится.

Я наблюдаю, как она раскладывает на столе запаянные в пластик инструменты. Судя по набору, меня собираются резать. Странно, я всегда предполагал, что идентификатор несложно перепрограммировать.

– Садись. Если неприятно, не смотри.

Мне неприятно, но я смотрю. Шприц-пистолет выстреливает в плечо заморозку, рука немеет до кончиков пальцев. Женщина втыкает мне в сгиб локтя хромированный пыточный крючок, деловито ковыряется им в ране. Кровь брызгает ей на руки, несколько капель попадает на лоб, разукрашивая его зловещим узором.

– Есть, - она подцепляет пинцетом стерженек идентификатора, швыряет его прямо на стол. Блестящий червячок извивается на пластике, пачкая его моей кровью. Из одного конца тянутся три черных волоска длиной с палец. Это зрелище завораживает меня. Никак не ожидал, что устройство будет вести себя, словно живое существо.

Мой вид забавляет женщину. Она подносит к моей руке зажатого в пинцете нового червячка: тот тянется к ране, омерзительно шевеля зеркально-отполированным тельцем. Три тонких усика ощупывают кожу. Меня ощутимо передергивает.

– Ты никогда не видел идентификатора?

– Нет.

– Отвернись, если хочешь, - она опускает червячка возле набухшей вены. Я продолжаю смотреть.

Ощупывая поверхность волосками, червячок быстро вбуравливается в открытую рану. Снаружи остается лишь блестящий кончик с булавочную головку - привычное зрелище. Я почти физически чувствую, как ползут под кожей черные усики.

Ее ловкие руки быстро зажимают место разреза, вытирают

кожу. Через несколько секунд под заживляющим гелем не видно и следа операции.

– Посидишь еще часок, посмотрим, как приживется, - заявляет она. Испытывая легкую дурноту, я тянусь за рубашкой. Она останавливает меня.

– Я должна видеть результат. Или ты стесняешься?

Почему-то я и впрямь смущен. Поднимаю глаза к ее лицу и вдруг понимаю, что на самом деле она раза в три старше меня. Лицо тридцатилетней женщины безупречно, но взгляд многое повидавшей старухи никуда не денешь. Интересно, сколько раз ей приходилось проходить процедуру омолаживания? И сколько осталось в этом крупном холеном теле родных органов?

Похоже, она читает неприязнь на моем лице, потому что с легкой улыбкой отстраняется.

– Пойдем, я тебя накормлю.

Я страшно голоден. Стремительно уминаю все, что она заказала. Женщина прихлебывает из оббитой кружки мутную бурду и разглядывает меня с интересом энтомолога.

– Ты действительно не знал, что идентификатор - паразит?

– Я думал, это просто устройство.

Она кивает, отхлебывает из кружки и морщится.

– Одно другому не мешает. Он искусственный, но построен как живое существо. Когда идентифицируют тебя, на самом деле проверяют генокод твоего идентификатора.

Это кажется глупым.

– Тогда почему бы не проверять мой собственный?

Женщина усмехается:

– Существует тысяча способов обойти такую идентификацию. А потом, и сама проверка генокода…

Она умолкает, уставившись на дно кружки.

– Что?

– Довольно неудобна, - она шумно встает, и мне чудится, что сказала она вовсе не то, что собиралась.

Я смотрю на головку биотехнической конструкции, сама идея кажется мне неправильной, даже отвратительной. Вспомнилась Дея с кокетливо присосавшимся у виска идентификатором... Меня едва не тошнит.

– А я слышал, что его можно запрограммировать на другой код.

– Ну, - она принимается рассматривать крупные сильные пальцы, - теоретически, можно заставить его мутировать, но как это повлияет на хозяина... На себе я бы экспериментировать не взялась.

Руку начинает жечь, под кожей просыпается неприятный зуд.

Женщина чуть не носом утыкается в хромированный шарик под прозрачным гелем, удовлетворенно хмыкает и заставляет меня выпить горячую, пахнущую мятой жидкость.

– Жить будешь. Передавай привет Филди.

– Непременно, - бормочу я, не поднимая глаз.

В двух кварталах от ее дома я понимаю, что так и не узнал ее имени.

* * *

Я спокойно прохожу мимо поста: черта с два они меня теперь опознают как проколовшегося хакера. Вот только если все так просто, как им вообще удается ловить преступников?

Мимолетно жаль Норга. Что ему светит? Хорошо, если просто ссылка или деквалифицирование, а если промывание мозгов?

Голос Филди настойчиво сверлит барабанную перепонку.

– Холо? Жми на минус третий в сектор У04 к Марцелиусу, он тебя уже ждет.

Неуязвимость придает мне бодрости.

– Что там за дело?

– Доберешься - узнаешь, - мне кажется или в голосе Филди действительно звучит тревога?

– Нет, ну правда. У меня с собой одна панель, давай, я заеду в крысятник, хотя бы стукач возьму.

Филди начинает паниковать.

– Идиот, не смей даже приближаться сюда! Ты что же, думаешь, тебя можно вычислить по одному ай-ди?

Я все еще ничего не понимаю.

– Марцелиус заменит тебе воспоминания, придурок. Тебе когда вживляли идентификатор?

Пожимаю плечами. Соображаю, что этот жест Филди не видит, и говорю:

– Час назад.

– Урод. Настоящий когда? - обычно спокойный Филди весь кипит. Я незаметно тоже начинаю психовать

– Лет пять назад. Нет, кажется, уже шесть. Ты скажешь, наконец, что случилось?

– Спросишь у Марцелиуса. Давай, гони.

Тонкая струна начинает тревожно дрожать где-то возле солнечного сплетения. Мне совсем перестает нравиться эта история, слишком быстро все происходит.

Отключаю связь. Спускаюсь в энергопровод и втыкаю щуп в информационный кабель, имитируя тестовый процессор. Скрючиваюсь с панелью в узком проходе. Неведомый Марцелиус подождет, пока я разберусь с происходящим.

Прочесываю информаторий: по вживлению идентификаторов ничего нового. То, что человек получает идентификатор лет в 15 и после этого считается полноправным гражданином, я и так знаю.

Вылезает, правда, совсем уж странный кусок про "определение идентичности последовательностей белковых

молекул в нейронах головного мозга эталонным при условии наличия у них увеличенного электрохимического потенциала". Дальше идет столь же бестолковое описание прибора, который, видимо, этим определением и занимается.

К идентификаторам эта чушь, похоже, отношения не имеет.

Не дает покоя идиотская фраза про замену воспоминаний. Методично прочесываю информаторий и не нахожу ровным счетом ничего. Такой вещи просто не существует.

Я не удивлен. Но встревожен.

На минус третьем номерных модулей нет: или именные, или нищие коммуны. Марцелиус (по данным информатория - практикующий гипнокорректор психики) помещается в самом конце линии, занятой сплошь складами и мини-фабриками. Копы здесь редки.

Кварталы кажутся бесконечными, меня обгоняют юркие грузовые авиетки. Некоторые с голорекламой, визуально увеличивающей ширину мобиля вдвое. Пару раз машинально отпрыгиваю к грязной стене.

Возле нужного мне дома торчит блок слежения, тупо вертит лупоглазой башкой, считывая все идентификаторы подряд. Меня подмывает пнуть прорезиненную ногу, но я сдерживаюсь. Не нужно делать глупости.

Я на месте. Дверь синеватого металла, похоже, недавно пытались взломать. Или даже выломать: поверхность идет волнами, лохмами облезают слои покрытия. Придавливаю сенсор, жду. Через минуту нажимаю еще раз.

Никакого отклика.

Верчу головой, быстро нахожу четыре работающие камеры. За мной внимательно наблюдают. Достаю щуп, демонстративно нацеливаюсь на тот глаз, что расположен пониже. Гулко лязгает замок. Оборачиваюсь.

За дверью кромешная темнота. Открывший мне человечек рисуется еле заметным силуэтом, вижу только, что мал ростом. Марцелиус?

Засовываю щуп обратно в куртку, сообщаю:

– Холо.

Молчание. Когда я начинаю терять терпение, в модуле вспыхивает слабый рассеяный свет. Человечек манит меня обезьяньей лапкой и удаляется куда-то в узкие коридоры. Иду за ним.

Модуль крохотный, неудобный, заставленный старой пыльной мебелью. Сияет чистотой только зеркальный стол, возле которого человек останавливается. Оборачивается, и я едва удерживаю нервный смешок.

На вид он стар неимоверно: один из тех, кто не доверяет омолаживанию. Крючковатый нос почти упирается в выдающийся вперед острый подбородок. Глаза тонут в морщинистых набухших веках, но при этом кажется, оценивают даже конфигурацию панели у меня под курткой.

– Если вы готовы, приступим сразу, - слабым тенорком говорит он, наконец.

Я не готов. Я вообще не понимаю, что со мной собираются делать, о чем и сообщаю Марцелиусу. Тот жует морщинистыми губами и молчит. Я распаляюсь:

– Я не уверен, что это необходимо! И я хотя бы должен знать, что происходит!

Гипнокорректор качает плешивой головой.

– Видите ли, молодой человек, мне уже заплатили за сеанс. Если вы решите отказаться, я ничего не потеряю, даже напротив - сберегу немало сил и времени. Так что дело ваше.

Вспоминаю тревогу в голосе Филди. Выкрикиваю почти обвиняюще:

– Я хочу разобраться!

Марцелиус поджимает губы, отчего кончик носа почти смыкается с подбородком.

– Знания ищете, значит? Что ж, извольте.

Кивает мне рукой на продавленное кресло, сам устраивается на жестком табурете. Немыслимо сплетает пальцы, уставившись в зеркало стола.

– Насколько я понимаю, раз уж вы попали ко мне, вас прижали с идентификацией? - начинает он. - Идентификация личности бывает двух типов: об одном знают все - это код личного вживленного идентификатора, любой полицейский и любой блок слежения по этому коду распознает ваши данные. Однако, идентификатор несложно сменить, вам это уже сделали или сделают в ближайшее время. Зато о другом способе знают лишь специалисты.

Похоже, какая-то из рук у него искусственная: при движении раздается посвистывание на грани слуха. Руки нервно вытанцовывают по зеркальному столу, отчего пальцев кажется в несколько раз больше.

– Наномолекулярные технологии правят миром, молодой человек, как бы мы к этому не относились. Наши воспоминания, накапливаясь в течение всей жизни, сохраняются в белковых молекулах нейронов головного мозга. При этом каждая группа этих молекул, отвечающая за конкретный эпизод вашей жизни, имеет электрохимический потенциал, которым мозг обозначает важность тех или иных воспоминаний. Пока ясно?

– Вроде бы.

– Воспоминания, потенциал которых выше определенного порога, человек не забудет никогда, сколько бы ни прошло лет. А значит, такие группы молекул можно использовать для идентификации личности: ведь даже одно и то же событие каждый человек запомнит по-своему.

– Ерунда, - искренне возражаю я, - откуда они берут эталоны?

– Когда вам вживляли идентификатор, то делали это под наркозом, верно? А заодно просканировали мозг и заложили молекулярную матрицу воспоминаний во всеобщую базу. Так что в случае необходимости вас вычислит любой патруль - у них есть нужные устройства.

Вычислит? Я занимаюсь информацией достаточно, чтобы понимать - нечеткий поиск по нескольким наборам белков среди двадцати миллиардов записей займет не минуты и даже не часы.

Марцелиус правильно истолковывает мой взгляд.

– Им не нужно будет искать среди всех жителей планеты. Каждому патрулю выдают сведения о преступниках, находящихся в розыске, а их не так уж много. Человек может изменять лицо, код и структуру сетчатки, но заменить воспоминания сложнее всего.

Что-то в его словах тревожит меня.

– Не проще ли изменить запись в базе?

– Если бы это было проще, организации, подобные вашей, давно уже этим занялись бы, правда?

Похоже на правду, но неприятный холодок не проходит. Тяну время.

– Значит вы удаляете воспоминания с нужным потенциалом?

– Не удаляю - заменяю. Они становятся другими.

– И вы вот так свободно этим занимаетесь?

Марцелиус скорчил укоризненную гримаску.

– Бестактный вопрос, молодой человек. Свободно я занимаюсь психокоррекцией под гипнозом: лечу бессонницы, депрессии, неврозы. Ваш случай попадает в категорию незаконных операций, а их я проделываю только для тех, кто не сможет донести.

– Не сможет? - возникает сразу несколько ассоциаций, и все чрезвычайно неприятные.

– В данном случае я заключал договор не с вами лично.

Пояснение ничего не прояснило: почему он не страшится доноса от меня? Поставит гипнотический блок? Возможно.

Марцелиус начинает раздражаться.

– Так мы начнем или вы уходите?

Слишком много "за" и одно неясное "против", которое я не

успеваю осознать. Облизываю сухие губы.

– Да. Начнем.

– Расслабьтесь. Закройте глаза.

* * *

Я вижу мать. Смеющееся лицо склоняется надо мной, белокурая прядь щекочет нос. Она действительно так юна или это давняя память играет со мной? Мягкие пальцы треплют меня за щеку. Мне это не нравится, я верчусь, пытаюсь высвободиться.

Мгновенная пелена застилает взгляд. Почему я решил, что она молода? Усталая, среднего возраста, с удрученными складками вокруг рта, она берет меня на руки. Я тыкаюсь носом в гладкие темные волосы. Она мурлычет мне в ухо какую-то простенькую мелодию.

Передо мной женщина без лица: не помню, как она выглядела, только синяя гладкая ткань одежды видна до мельчайшей ворсинки. Я плачу - горько и безутешно, как умеют только дети.

– Ты будешь жить здесь, - гулко произносит низкий голос.

– А когда придет мама?

– Придет... - падают слова, и я понимаю, что не придет - никогда. И со слезами рвется наружу так мало еще успевшая пожить, но так больно раненая душа. Стоит перед глазами переплетение крохотных нитей на платье безлицей женщины.

Я смаргиваю слезы, и платье меняет цвет, а голос - тон. И я внезапно вспоминаю, что все было вовсе не так. Что мать приезжала в интернат еще много раз, что мы крупно поругались прямо перед моим выпуском, а потом я приходил к ней мириться...

Лысый Кет молча, но упорно отпихивает меня от "технологического отверстия", которое мы проделали в стене душа неделю назад. Я не сдаюсь, потому что подсматриваю за Деей, и вид ее крепких ягодиц с двумя ямочками над копчиком в каплях воды неодолимо притягивает взгляд. Я бесшумно отбрыкиваюсь и мучительно жду, когда Дея обернется: мне страшно интересно, действительно ли у нее уже по-взрослому большая грудь, или она пользуется накладками?

Кет пыхтит над ухом и пинается все сильнее. Неожиданно я теряю равновесие и, всем весом ударившись в дверь, влетаю в душевую. Кету удается застрять на пороге.

Я так и не успеваю ничего разглядеть: Дея мгновенно заворачивается в полотенце и только потом принимается визжать. Я прижимаюсь щекой к скользкому зеленому пластику и мечтаю, чтобы на крик не прибежала Стерва. Пытаюсь размазаться по полу

и не слышать, как жалко оправдывается в коридоре перед подоспевшим дежурным Кет.

Мокрая взвесь размывает мир. Я робко поднимаюсь на ноги и пытаюсь придумать хоть какое-то оправдание. На пороге маячит худой и нескладный дежурный - это не Стерва.

Стараюсь вспомнить, кто такая Стерва и почему я так ее боюсь - не могу. Оборачиваюсь к Дее и натыкаюсь на незнакомое лицо. Через мгновение вспоминаю, что ее зовут Рози и она, кажется, на последнем экзамене по дискретной логике неправильно решила почти все задачи. А мне, передравшему по сети ее вариант, влепили неделю физического труда.

Бюста у нее под полотенцем вообще нет. Я злорадствую несмотря на унижение.

Я и не предполагал, что вмешательство в интернатовскую сеть так легко раскрывается. Иначе не стал бы рассылать дурацкие сообщения "Преп Тэн Килден - ушастый кретин" всей школе. К слову, Тэн Килден действительно лопоух, а лингвистику даже толстый Порпин знает лучше него. Казалось, я так остроумен...

Горят щеки, уши и даже шея. Стою навытяжку возле учебного терминала и мысленно ругаю себя как только могу. За спиной шушукаются девчонки, Порпин украдкой демонстрирует древний обидный жест. Явственно представляю себе, как меня выгоняют из школы, и отправляют на хлорелловый уровень или в ассенизационный отряд.

Картинка плывет, смещается, и вот я уже смотрю на себя издали. Да это и не я вовсе, а лысый Кет - переминается с ноги на ногу и багровеет ушами. С ужасом вспоминаю, что оставил информаторию пару зацепок, указывающих на Кета, и теперь хлорелловый уровень грозит ему. Опускаю глаза в пыльный экран терминала, как будто в них можно прочитать признание. Возможно, так оно и есть.

Поднимаюсь из-за терминала и с торжествующим превосходством смотрю на Дикого Оги, только что проспорившего мне два полновесных. Я утверждал, что смогу взломать интернатовские счета, и действительно перевел на себя недельную стипендию всей группы. До сих пор такие крупные суммы я не воровал, чаще ограничивался подчисткой результатов тестирования.

Оги возвышается надо мной на две головы, но меня захлестывает восторг и я нагловато требую выигрыш. Когда мне в лицо врезается кулак, я все еще улыбаюсь.

Когда окружающее перестает вертеться в безумном хороводе, я понимаю, что все было иначе. Что Дикий Оги обвиняет меня в смешной краже десятка полновесных из его сейфа. Несмотря на боль в разбитом носу я пытаюсь смеяться - это в самом деле смешно, чтобы я, легко исправляющий оценки в любой базе, польстился на его грязные деньги. Еще один удар отправляет меня в абсолютно черное пространство.

На темной дороге - еще более темное глянцевое пятно и тошнотворно-красные ошметки. Я заторможенно смотрю на тонкую руку, торчащую из кошмарного месива. Вспоминаю, как видел в 3D разбитый арбуз: было очень похоже, но не так жутко. Потому что сейчас я знаю, что это человек.

Точнее, был человек. Еще какие-то минуты назад он был лысым Кетом.

Вокруг негромкий гул: я поневоле слышу самые разные версии. Что он не выдержал позора исключения, что проигрался в виртуальном казино, что был членом секты, пропагандирующей суицид и что его элементарно спихнули с крыши во время драки.

Смаргиваю наползающую на глаза муть. Голоса стихают, и я понимаю, что передо мной на дороге - чудовищно искореженные останки автопрепа. Кто возненавидел до такой степени обучающую машину? С какой высоты нужно было ее грохнуть, чтобы превратить в мешанину микросхем?

Сгустки искусственных нейронов расползлись вокруг колониями металлических насекомых. Мне кажется, что на карикатурной физиономии препа застыло недоумение.

Мои руки - жадные и пугливые одновременно - исследуют новые территориии. Дея в шутку вырывается, хохочет, запрокидывая голову. Мы оба здорово разгорячены "кокаи-джазом", а грохот музыки, доносящийся даже сюда, придает сцене нереальность.

Я уже установил, что накладки на бюст она не использует.

На виске у нее возле розового ушка - блестящая горошина идентификатора. Особый шик: мой пристроился в локтевом сгибе, как и у большинства. Сейчас этот крохотный шарик, взблескивающий в полутьме, еще больше распаляет меня. Притрагиваюсь к холодной гладкости металла языком. Дея дергается, и язык попадает в нежную раковину ушка. Она хихикает и прижимается ко мне еще сильнее.

На миг зарываюсь лицом в ее взлохмаченные недавним танцем волосы. Отстраняюсь, чтобы лучше рассмотреть пылающее лицо. Полутьма размывает краски, добавляет неожиданные

тени...

И я понимаю, что сейчас потеряю ее, как потерял уже мать, выигранный спор и погибшего дурака Кета. И от Холо не останется почти ничего.

Я стану кем-то другим.

Бешено сопротивляюсь наползающей тьме. Лицо Деи плавится, как восковое, меняется разрез глаз, рисунок скул, контуры губ. Волосы норовят посветлеть, потом становятся короткими, потом сплетаются в жгуты. Я впиваюсь в ее плечи, удерживая настоящую Дею, не давая ей раствориться в безумии перемен. Жжет острой пылью широко распахнутые глаза, чужая воля перехватывает горло костлявой рукой, но я судорожно цепляюсь за реальность воспоминаний, собирая из осколков живую картину. Глухо, но упрямо повторяю:

– Холо... Я - Холо!

Дея на мгновение замирает и впивается в мои губы "киношным" поцелуем. Он получается неловким, я запутываюсь пальцами в темных прядях, она ойкает и, смеясь, отталкивает меня. Перед глазами снова мелькает серебряная горошина на виске.

Я чувствую, как выступает на лбу испарина, но не в силах поднять руку. Я парализован страхом.

Снова перечитываю ультиматум и понимаю, что от такого предложения не в силах был бы отказаться даже святой Исидор - покровитель информации. Они обещают хорошие бабки, если я буду паинькой и займусь настоящим хакерством, а не детскими шалостями. Они обещают промывание мозгов, если я откажусь.

Я снова и снова зажмуриваюсь, но список моих преступлений не растворяется. Им известно все - от завышенных оценок до денег на карманные расходы из личного счета директора. И я понимаю, что мне крышка.

Подпись "Филди" мельтешит в голове как навязчивая строчка из глупой песенки.

Фил-ди, Фил-ди-ди...

Норг крутит головой в шлеме, словно рассматривает что-то в потоке данных. Взлом квантовой сети - моя профессиональная гордость, но без помощи Норга не обойтись. Он вылавливает из белого шума нужные фрагменты, а уже я отделяю контрольные участки от основной информации.

Контрольные - трогать нельзя, по ним проверяют целостность данных. Распознать контрольные последовательности в общем потоке непросто, одного умения мало. Нужно шестое чувство, да

и просто везение.

Филди именно за это меня и ценит.

Двенадцать блоков ушло. Норг уже показывает кольцо из двух пальцев и тычет в часы. Пропускаю еще два кванта, расшифровываю цепочку из нескольких десятков, отправляю Филди. И даже не сразу понимаю, что кто-то ломится в дверь.

Махом рублю питание, выдираю панель. Норг только начинает стаскивать с круглой головы шлем. Он двигается, как в замедленной съемке: когда я ныряю в черный ход, замаскированный под грузовой лифт, он успевает только открыть рот, обалдело глядя на дверь.

Под мерзкое шипение его лицо тонет в серебристых клубах "псих-коктейля". Я бесшумно захлопываю дверцу.

Мне тепло. Темнота дарит покой и безопасность. Чей-то дребезжащий тенорок медленно считает:

– Раз... два... три...

* * *

В крысятнике один Филди: скрючился в куче аппаратуры, следит, как обычно, сразу за несколькими взломами. Устраиваюсь на любимом кресле, забрасываю ноги на подоконник.

– Что с Норгом?

– Стерли, - бесстрастно роняет он, не поднимая головы.

Скверно. Норг был не самым лучшим хакером, но неплохим парнем.

Надеваю шлем, лезу посмотреть свой счет. Почему-то система дольше обычного проверяет пароли, линия что ли сбойнула?

Фиксирую новый идентификатор. Машинально проверяю сегодняшние поступления и не верю своим глазам.

– Филди! Сколько ты мне заплатил?

– Все пошло на смену кода и Марцелиусу, - бормочет он из-за электронного Монблана. Я хлопаю кулаком возле панели, отчего та истерически вбрасывает в информаторий десяток бредовых запросов.

– Ну ты сволочь!

Над сплетением световых нитей поднимается блестящий глаз.

– Я тебе жизнь спасал, придурок, - почти ласково сообщает он. - Или хочешь как Норг - под мозгорезку?

Под мозгорезку не хочу. Но и взлом бесплатно меня не устраивает. Вскакиваю, меряю нервным шагом модуль. Филди наблюдает за мной краем глаза, продолжая молотить по панели.

Встаю перед окном, пытаюсь мыслить логически. Понимаю, что Филди прав, но до обидного жаль денег.

– Холо...

Внезапно понимаю, что в модуле повисла густая тишина. Сквозь звукоизоляцию на миг вплескивается вой патрульной сирены. Лицо Филди мертвенно как поток нулей.

– Тебя вычислили.

Меня обливает холодом. Я догадываюсь, что он видит в необъятных мозгах информатория: сползающиеся к крысятнику прямо в эту секунду патрульные мобили, перекрытые коммуникации, одинаковых как биты людей в черных мундирах и нацеленную нам в лицо пушку с "псих-коктейлем".

– Как? - шепчет он и взрывается яростным криком. - Как, черт возьми, тебя вычислили?!

Я знаю - как. И знание это одновременно вгоняет меня в ступор и заставляет отвести глаза. Голос Филди срывается на фальцет.

– Ты... оставил воспоминания?..

До хруста стискиваю пальцы.

– Я должен был что-то оставить!

Секунду он беззвучно глотает воздух. Ноющий звук с улицы доносится явственней.

– Урод, - он задыхается, - Всегда знал, что ты… сентиментальный урод... Не хотел связываться... Всех подставил, сволочь...

В лицо мне смотрят три глаза: третий - пистолетное дуло.

Мощный вал адреналина сметает меня за окно. Узкий карниз, каркасная трубка, сотня метров до земли и пара десятков - до крыши. Он высовывается следом: перекошенное лицо, безумные глаза маньяка.

Земля так близка...

Одновременно с грохотом в крысятник врывается шипение газовой струи. Негромкий хлюпающий звук, и долгое мгновение я смотрю в уже мертвые глаза Филди. И еще дольше провожаю взглядом кувыркающийся вдоль стометровой стены пистолет.

Вечная погоня, жизнь Филди - не велика ли цена за мимолетное воспоминание? За серебристую бусину на виске?

Поднимаю глаза к крыше.

Ведь я смогу подняться, правда?